

УДК 94(476)

Сугако Л. А.

**ВЕСНА 1944 ГОДА:
ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
РАБОТ В ЗОНЕ ОТСЕЛЕНИЯ
ОСВОБОЖДЁННЫХ РАЙОНОВ БССР**

Ещё в период освобождения Беларуси от нацистской оккупации советские и партийные органы принимали меры по восстановлению

хозяйственной жизни республики. В статье рассматривается неисследованный в отечественной историографии аспект проблемы – организация весной 1944 года посевной кампании в прифронтовой зоне освобождённой части БССР.

Ключевые слова: освобождение, отселение, восстановление, посевная кампания, конфликт интересов.

Even during the liberation of Belarus from the Nazi occupation, the Soviet authorities took measures to restore the economic life of the republic. The article regards the aspect which is unstudied in national historiography i.e. the organization of a sowing campaign in the front-line zone of the liberated area of the BSSR in spring 1944.

Keywords: liberation, resettlement, restoring, sowing campaign, conflict of interests.

После победы Красной Армии летом 1943 г. в Курской битве её соединения вышли к границам Украины и Беларуси. Проведя на белорусской земле с сентября 1943 г. по февраль 1944 г. ряд не всегда успешных наступательных операций, советские войска всё-таки продвинулись на запад, освободив от захватчиков два областных центра республики – Гомель и Мозырь, 36 райцентров и сотни других населённых пунктов Гомельской, Полесской, Могилёвской и Витебской областей, что составляло примерно пятую часть территории БССР [1, с. 136].

Выявленные автором документы позволяют констатировать, что, по крайней мере, с февраля по июнь 1944 г. на освобождённой территории Беларуси советским командованием, при участии органов НКВД и местных властей, проводилось целенаправленное отселение жителей из 25-километровой прифронтовой зоны. Этому способствовало относительное затишье, установившееся на белорусском участке фронта. Данные меры были обусловлены четырьмя, на наш взгляд, причинами.

Во-первых, следовало обеспечить безопасность гражданскому населению во время предстоявших вскоре активных боевых действий, тем более что основную его часть составляли пострадавшие в период оккупации дети, женщины, старики. К тому же в более удалённых от линии фронта освобождённых районах республики уже разворачивались восстановительные работы, в которых могли быть задействованы трудоспособные лица из числа отселённых [1, с. 164; 2, с. 46–49]. Во-вторых, отсутствие в 25-километровой прифронтовой полосе местных жителей, под которых могли бы маскироваться агенты врага, ограничивало его возможности по ведению разведки в столь важной в оперативно-тактическом отношении зоне. В-третьих, вывод населения из прифронтовой зоны должен был способствовать повышению эффективности военных властей и органов НКВД в борьбе с дезертирством, мародёрством, бандитизмом и другими преступными проявлениями со стороны нарушивших присягу военнослужащих, а также ставших на преступный путь лиц из числа местных жителей. В 1943–1944 гг. прилежавшая к передовой полоса представляла, как правило, лишь недавно освобождённую и ещё слабо контролируруемую советскими властями территорию, наводнённую «разного рода подозрительным элементом», что создавало среду для упомянутых преступных явлений и препятствовало наведению твёрдого порядка [3, л. 92]. В-четвёртых, к решению об отселении жителей прифронтовой зоны советское командование подталкивала тяжелейшая эпидемическая обстановка, сложившаяся в освобождённых районах Украины и Беларуси. Здесь в 1944 г. наблюдались массовые заболевания людей сыпным тифом. Возникла угроза распространения эпидемии в армейских частях [4, с. 47].

В процессе отселения 1944 г. следует, на наш взгляд, выделить два этапа. На первом этапе (февраль – апрель 1944 г.) решения о перемещении в тыл гражданских лиц самостоятельно принимались командованием действовавших на территории Беларуси фронтов и даже армий. Командирами соединений во все отселяемые пункты назначались коменданты из числа офицеров и сержантов. Местным органам власти разрешалось оставлять в опустевших деревнях и сёлах по 2 сторожа для охраны имущества и инвентаря. Весь личный состав воинских частей и подразделений предупреждался о «...недопустимости разрушения жилых домов и подсобных строений и расхищения оставленных населением имущества и ценностей...», устанавливалась строгая ответственность виновных. Для проведения полевых работ – разворачивалась посевная кампания – в районы отселения разрешался допуск колхозных бригад по спискам, представленными местными сельсоветами и райисполкомами

и утверждёнными органами НКВД. Бригадам предписывалось «...проживать в строго отведённых пунктах на казарменном положении...» [5, с. 50].

4 мая 1944 г. в войска поступила директива Ставки Верховного Главнокомандования № 202905, согласно которой 10 советских фронтов (Ленинградский, 1-й, 2-й, 3-й Прибалтийские, 1-й, 2-й, 3-й Белорусские, 1-й, 2-й, 3-й Украинские) должны были выселить всё гражданское население из 25-километровой прифронтовой зоны в срок с 12 по 25 мая текущего года [4, с. 47]. С этого времени представляется возможным, на наш взгляд, констатировать начало 2-го этапа отселения жителей Беларуси в 1944 г., когда решение о нём принималось на уровне высшего военного руководства СССР. Причём на отселение отводились весьма жёсткие сроки и не допускалось каких-либо исключений, в том числе и для гражданских лиц, занятых в эвакуируемой зоне на сельскохозяйственных работах [4, с. 47]. Запрещалось оставлять местных жителей для охраны домов, хозяйственных построек и имущества в покинутых деревнях и сёлах. Полную ответственность за сохранность крестьянского жилья и добра несли военные коменданты. Местным органам Советской власти настоятельно рекомендовалось «...разъяснить населению, что граждане, самовольно возвратившиеся в отселённую зону, будут задерживаться военными властями и предаваться суду военного трибунала...» [3, л. 53; 5, с. 50].

По информации Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии, отселение жителей из 25-километровой прифронтовой зоны было закончено к 21 июня 1944 г. Из полосы 10 фронтов выведены 1674618 человек, в том числе из полосы оперировавших в Беларуси 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов – 543302 человека [6, л. 150, 265]. Автором установлено, что в рассматриваемый период 1944 г. отселение жителей осуществлялось: в полосе 1-го Прибалтийского фронта – в Россонском, Полоцком, Сиротинском, Городокском, Витебском, Суражском районах Витебской области; в полосе 3-го Белорусского фронта – в Суражском, Витебском, Лиозненском, Оршанском, Дубровенском районах Витебской области; в полосе 2-го Белорусского фронта – в Красненском районе Смоленской области РСФСР, Горецком, Дрибинском, Мстиславльском, Чаусском, Чериковском, Пропойском, Быховском районах Могилёвской области, Журавичском районе Гомельской области; в полосе 1-го Белорусского фронта – в Рогачёвском, Жлобинском, Стрешинском районах Гомельской области, Паричском, Октябрьском, Домановичском, Копаткевичском, Мозырском, Калинковичском, Петриковском, Лельчицком, Туровском районах Полесской области, Давыд-Городокском и Столинском районах Пинской области, а также в Ровенской и Волынской областях УССР [7, с. 110].

Учитывая, что белорусский участок советско-германского фронта весной 1944 года был стабильным и имел протяжённость около 900 км, площадь прифронтовой зоны отселения составляла примерно 22,5 тыс. кв. км. Эта зона выпадала из текущей сельскохозяйственной кампании, что, судя по мемуарам бывшего первого секретаря Могилёвского обкома КП(б)Б И. Н. Макарова, вызвало озабоченную реакцию среди руководителей освобождённых районов БССР. По их мнению, «...это приводило к тому, что на значительной территории нельзя было вести работу по восстановлению органов сельского хозяйства, проводить восстановление колхозов и организовывать сельские Советы...». И. Н. Макаров и секретарь ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович обратились к командующему 2-м Белорусским фронтом генерал-полковнику И. Е. Петрову с просьбой разрешить, в виде исключения, Могилёвскому обкому продолжить работу в зоне отселения. Петров не возражал, но требовалось также согласие члена Военного совета фронта Л. З. Мехлиса, категорически отказавшего пойти навстречу белорусским партработникам. За разрешением работать в полосе отселения пришлось обращаться в Москву, и вскоре заместитель начальника Генштаба генерал армии А. И. Антонов сообщил, что Сталин решил удовлетворить просьбу Могилёвского обкома [8, с. 135–136].

Вполне вероятно, что аналогичные разрешения были распространены и на другие регионы БССР, что косвенно подтверждается содержанием письма командования в/ч 37786 НКВД СССР, направленного 18 июня 1944 г. в адрес Полесских обкома КП(б)Б и облисполкома. В этом письме командование части, отвечавшей за охрану прифронтовой полосы в ряде рай-

онов Полесской области, сообщало, что «...за последнее время участились случаи массового просачивания выселенного гражданского населения в запретную зону...», что происходит «...с разрешения райисполкомов под видом всякого рода полевых работ...». Выдача соответствующих справок носит «беспорядочный характер». Такое положение может создать «...условия для действий вражеской агентуры и бандитских групп и нанести материальный ущерб отселённым населённым пунктам...». В завершение письма звучит требование дать указания райкомам, райисполкомам и сельсоветам «...прекратить выдачу справок и принять меры к срочному отселению возвратившегося населения...» [5, с. 52–53].

Таким образом, имеются основания констатировать конфликт интересов в ряде районов Полесской области между командованием войск НКВД и местными властями. Смелость последних в отправке людей на работы в отселённую зону подводит к выводу, что данные действия были санкционированы «сверху». Поскольку, в отличие от эвакуации 1941 г., в 1944 г. граждане перемещались на относительно небольшие расстояния, местные власти имели, что называется, «под рукой», определённый людской потенциал, необходимый для проведения сельскохозяйственной кампании в прифронтовой полосе. Например, отселённые жители Полесской области разместились в её же центральных, южных и восточных районах – Василевичском, Ельском, Наровлянском, Брагинском, Хойникском и даже «зафронтовой» (так в документе) зоне Мозырского, Калинковичского и Лельчицкого районов, которые сами частично входили в 25-километровую прифронтовую полосу [9, л. 80, 82; 5, с. 52]. Объёмы выполненных в зоне отселения, без преувеличения, в экстремальной обстановке сельскохозяйственных работ,

как и достигнутые по их итогам показатели, представляют собой поле для дальнейшего исследования.

Литература:

1. Тимохович, И. В. Битва за Белоруссию: 1941–1944 / И. В. Тимохович. – Минск : Беларусь, 1994. – 254 с.
2. Лемяшонак, У. I. Вызваленне – без графа “Сакрэтна!” / У. I. Лемяшонак. – Мінск : Полымя, 1996. – 151 с.
3. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМ). – Фонд 463. – Оп. 2. – Д. 15.
4. Сугако, Л. А. Эвакуация советским командованием населения прифронтовых районов БССР в период подготовки наступательной операции «Багратион» (февраль – июнь 1944 г.) / Л. А. Сугако // Материалы науч.-метод. конф. преподават. и сотруд. по итогам науч.-исслед. работы в 2010 г., Могилёв, 3–4 февраля 2011 г. / Могилёв. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Иванов [и др.]. – Могилёв, 2011. – С. 46–48.
5. Сугако, Л. А. Положение в прифронтовой зоне освобождённых районов БССР накануне операции «Багратион»: некоторые военные, гуманитарные и экономические аспекты / Л. А. Сугако // Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в свете современной исторической науки : материалы междунар. науч.-практ. конф., Тула, 27–28 мая 2014 г. / Тульский гос. пед. ун-т ; редкол.: К. А. Подрезов [и др.]. – Тула, 2014. – С. 46–54.
6. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд р-9401 сч. – Оп. 2. – Д. 65.
7. Сугако, Л. А. Население, материальные ресурсы и культурные ценности Белорусской ССР в эвакуационном процессе в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. А. Сугако. – Могилёв, 2014. – 157 л.
8. Макаров, И. Н. Живая земля / И. Н. Макаров. – Минск : Беларусь, 1985. – 208 с.
9. ЗГАМ. – Фонд 463. – Оп. 2. – Д. 10.